

Насрулаев Э.Х.

«Голубая Азия» и национальное своеобразие поэзии С. Есенина.

С. Есенина традиционно представляют поэтом «голубой Руси» – страны «березового ситца», а также певцом деревни. «Есенин без деревни не Есенин», – пишет один из крупнейших исследователей творчества поэта В. Базанов¹.

Как одного из наиболее своеобразных и самобытных русских национальных поэтов, С. Есенина часто объединяют в одну группу с А. Кольцовым. Русский народ, среднерусская природа – основные темы Есенина.

«В сердце Есенина с юных лет запали грустные и раздолные песни России, ее светлая печаль и молодецкая удаль, бунтарский разинский дух и кандалный сибирский звон, церковный благовест и умиротворенная сельская тишина, веселый девичий смех в лучах и горе седых матерей, потерявших сыновей на войне»ⁱⁱ (Ю. Прокушев).

Между тем национальное начало у Есенина нам представляется иным.

Это прежде всего восточная тема, которая занимает значительное место в стихотворениях 1924-25-х гг. («Персидские мотивы», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Батум» и др.).

На первый взгляд, Восток Есенина – это экзотический край, увиденный глазами иностранца, чужого человека. Поэт не видит особой разницы между Турцией, Персией, Закавказьем. Наиболее характерные детали его «восточных» стихов – «синие цветы Тегерана», «стены и сады Хороссана», «розы за Ефратом», «Ванские струи», «море Босфора» – плод поэтической фантазии:

И хотя я не был на Босфоре,

Я тебе придумаю о нем.

(«Никогда я не был на Босфоре»)

Есенин на Востоке чужой, и он сам это понимает:

Земля далекая!

Чужая сторона!

(«Поэтам Грузии»).

На Востоке его мучает ностальгия, он тут вспоминает Родину:

Как бы ни был красив Шираз,

Он не лучше рязанских раздолей.

(«Шаганэ ты моя, Шаганэ»).

Не буди только память во мне

Про волнистую рожь при луне.

(«Шаганэ ты моя, Шаганэ»).

По приведенным деталям видно, что Восток для Есенина – не Родина, на первый взгляд, он так же далек, как Европа, где поэт побывал в 1922-23.

Но так может показаться только на первый взгляд. В письме к Т. Бениславской 8 апреля 1925 г. Есенин говорит о своем желании учиться и поехать даже в Шираз. Характерно и письмо к Н.К. Вербицкому в июне-июле 1925 г.: «...хочу бежать. Куда? На Кавказ!». Следовательно, Восток, Кавказ не так и чужд Есенину, как Европа.

Во время пребывания в Европе он писал: «Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер. Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем не стесняясь у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они». «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота здесь почти ничего нет»; «Сплошное кладбище. Все эти люди, которые спуют быстрее ящериц, не люди – а могильные черви, дома их гробы, а материк – склеп»ⁱⁱⁱ.

В Европе и США, где он пробыл больше года, Есенин написал совсем немного (несколько стихотворений, поэму «Черный человек», очерк «Железный Миргород»). В то же время поездка на Кавказ в 1924-25 гг. была для него исключительно плодотворна. За короткий срок он создает большое количество произведений (среди которых «Русь бесприютная», «Русь уходящая», «Письмо к женщине», «Поэтам Грузии», «На Кавказе», «Баллада о двадцати шести», «Персидские мотивы», поэма «Цветы», поэма «Анна Снегина»)^{iv}. Русский самобытный деревенский поэт, не мыслящий себя вне Руси, стремится на Кавказ, на Восток, где много и плодотворно работает, возвращается на короткое время в Москву и вновь возвращается в Закавказье.

Все эти особенности творческой биографии и лирики Есенина помогают понять евразийская концепция, объясняющая национальные особенности русского характера.

Евразийство как идейно-политическое и общественное учение возникло в русском зарубежье в 20-30-х годах. Его основоположниками были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский, Л.П. Карсавин, а также Г.В. Вернадский и позднее Л.Н. Гумилев.

Отрицательно относясь к культуре и ментальности европейцев, а следовательно к насильственной европеизации России, которое считали «безусловным злом»^v, евразийцы, в отличие от славянофилов, делали акцент на восточном, «турано-монгольском элементе в русской культуре», подчеркивали положительное значение для Российского государства татаро-монгольского периода^{vi}.

В России они видели не просто страну, но материк, органически соединивший в себе элементы разных цивилизаций^{vii}.

Евразийцы утверждали мысль об особой миссии России, об универсальности Православия, являющегося основой Евразии^{viii}.

Исследователи неоднократно подтверждают присутствие в русской литературе первой трети XX века евразийских идей^{ix}, ссылаясь на произведения М.Волошина, В. Хлебникова, В. Брюсова, С. Есенина и, конечно же, А. Блока^x:

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы

С раскосыми и жадными очами!

(«Скифы»)

Есенин тоже видит азиатщину в России:

Ты, Рассея моя... Рас... сея...

Азиатская сторона!

(«Снова пьют здесь, дерутся и плачут»)

Золотая дремотная Азия

Опочила на куполах.

(«Да! Теперь решено. Без возврата...»)

И сам я тоже азиат

В поступках, помыслах и в слове.

(«Поэтам Грузии»)

Поэт уподобляет Русь Скифии, с бескрайними просторами, степями, удалю, кочевьем. Именно степной пейзаж вырабатывает особое мирозерцание русского человека, его любовь к раздолью:

Эх вы, сани! А кони, кони!

Видно, черт их на землю принес.

В залихватском смешном разгоне

Колокольчик хохочет до слез.

(«Эх вы, сани! А кони, кони!»)

В «Ключах Марии» Есенин утверждает: «только один русский мужик догадался посадить его (коня) к себе на крышу, уподобил свою хату под ним колеснице. Ни Запад и ни Восток, взятый вместе с Египтом, выдумать этого не могли, хоть бы тысячу раз повторили себе своей культурой обратно. Это чистая черта Скифии с мистерией вечного кочевья. «Я еду к тебе, в твои лона и пастбища», – говорит нам мужик, запрокидывая голову конька в небо»^{xi}.

Но наиболее ярко своеобразие национальной стихии проявляется у Есенина в поэме «Пугачев».

Уже по тем топонимам, которые встречаются в поэме «Пугачев», ясно, что Россия здесь – это не только рязанские раздолья. Место действия поэмы – российская окраина: Яик, Чаган, Самара и Иргис, Джигильда, Алатырь, Оренбург, Уфа, Казань, Челябинск, Осу, Сарапуль, Аральск, Азия, Каспий, Гурьев. Этому огромному краю противостоит у него Москва, которая символизирует власть, правительство:

Оттого-то шлет нам каждую неделю

Приказы свои Москва^{xii}.

Характерно, что дикому, азиатскому началу, злой и дикой ораве в поэме противостоит не Петербург, а Москва:

Пусть знает, пусть слышит Москва

На расправы ее мы взбистрим^{xiii}.

Тем более, немка Екатерина шлет на российский люд: русских казаков, башкир, киргизов, которые «бьются за бараньи костры среди юрт», – чиновников-немцев Траунберберга, Рейнсдорпа, Михельсона. Н. Трубецкой считал, что Е. Пугачев, стоя под знаменем старообрядчества, отвергающего «поганых латинян и лютеран», не находил ничего предосудительного в объединении с башкирами и прочими представителями не только инославского, но даже иноверного туранского Востока^{xiv}.

Россиянин в «Пугачеве» – степняк. Степняк в первую очередь сам главный герой поэмы:

Уж давно я, давно я скрывал тоску

Перебраться туда, к их кочующим станам...^{xv}

И отличительные черты россиянина-степняка – это внутренняя независимость и тяга не только к свободе, но к воле. Его мечта – Азия, «голубая страна». Терпя поражение, пугачевцы бегут в Азию. Но в то же время Россия для них – это «Тамбов», «осинник», «тополь над низким окном», «солончаковые плясы», «золото степей», «колымская кибитка». В поэме единство России оказывается конфликтным, противоречивым. Казаки и принадлежат к кочевой России и привязаны к родному дому в пензенской губернии. Связь с Русью оказывается у них более глубокой и сильной, чем может показаться на первый взгляд. Казаки идут за Пугачевым до определенного предела, но, в отличие от своего вожака, не хотят жить вечно в набегах:

Нет, мы больше не можем идти за тобой.

Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий, ни в Гурьев^{xvi}.

Поэтому они не могут понять степняка Пугачева, проповедующего вечное движение, кочевье.
Таким образом, даже анализ некоторых из произведений Есенина показывает: национально-русское у него в значительной мере – евразийское.

ⁱ Базанов В. С. Есенин и крестьянская Россия. – Л., 1982. – С.7.

ⁱⁱ Прокушев Ю. С. Есенин: Образ. Стихи. Эпоха. – М., 1989. – С.39.

ⁱⁱⁱ Есенин С. Собрание сочинений в 6-ти т. 1977-80 г. – Т.1. – С.121, 123, 125.

^{iv} Белоусов В. Сергей Есенин. – М., 1965. – С.109-141.

^v Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С.103.

^{vi} Там же – С.206.

^{vii} Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997. – С.81.

^{viii} Там же. – С.36.

^{ix} Люкс Л. Евразийство. //Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С.105-111.

^x Половинкин С. Евразийство и русская эмиграция. //Трубецкой П.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С.735-737.

^{xi} Есенин С. СС в 6-ти т. – Т.5. – С.171.

^{xii} Там же – Т.3. – С.14.

^{xiii} Там же – С.18.

^{xiv} Трубецкой П.С. Указ. соч. – С.139.

^{xv} Есенин С. СС Т.3. – С.42.

^{xvi} Там же – С.42.